

«Утверждаю»

Директор Института всеобщей

истории Российской академии наук

Липкин М.А.

« 19 » апреля 2020 г.

Отзыв ведущей организации — Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт всеобщей истории Российской академии наук — на диссертацию Паламаренко Евгения Викторовича на тему: «Деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1948–1967 годы», представленной на соискание ученой степени кандидата теологии по научной специальности 26.00.01 — Теология

Диссертация Паламаренко Евгения Викторовича на тему «Деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1948–1967 годы» представляет собой исследование, ставящее своей целью воссоздать на основе конкретной документальной базы точную и подробную картину жизни и деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме в первые два послевоенных десятилетия. Несмотря на активное изучение в последние годы истории русского присутствия в Святой Земле, период, избранный автором, изучался недостаточно. Основное внимание в современной историографии сосредоточено на дореволюционном периоде и – в меньшей степени – на межвоенном периоде. В этом отношении работа соискателя обладает необходимой новизной. В основе диссертации Е.В. Паламаренко – документы Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики России, автором проработаны 55 архивных дел.

Материалы зарубежных архивных хранилищ, в том числе, самой миссии им не привлекались.

Представленная диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и трех приложений. В первой главе дается сравнительно краткий обзор первых ста лет существования Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1948). Вторая и Третья главы описывают деятельность миссии в 1948–1957 и 1957–1967 гг. соответственно. Сами же главы разделены на 5 и 6 параграфов соответственно. Причем в основе этого деления лежит персональный принцип. Каждый параграф посвящен периоду деятельности того или иного начальника Русской духовной миссии. Структурирование работы по персоналиям руководителей миссии, а, например, не по проблемно-тематическому принципу вызывает серьезные сомнения в обоснованности такой структуры.

При этом сами документы, используемые диссертантом, дают образец для иного построения работы. Так, один из начальников миссии, архимандрит Пимен (Хмелевской) в своих ежемесячных отчетах патриарху Алексию I, располагал материал по тематическим рубрикам: «Церковная жизнь», «Юридические вопросы», «Финансовые вопросы», «Продажа земельных участков», «Политическая ситуация», «Иерусалимская Патриархия», «Гости Миссии», «Визиты Миссии», «Паломничества» «Внутренняя жизнь Миссии», «Горненский монастырь», «Наши трудности», и т.п. Тематизация внутренней отчетности миссии могла бы позволить автору выделить отдельные направления работы миссии, проблематизировать их, тогда как хронологическое деление работы по постоянно сменяющимся руководителям, для многих из которых руководство миссией было кратковременным эпизодом из церковной карьеры, не дает оснований описывать историю миссии через персональный вклад руководителей.

В трех приложениях (с. 407–422) к основному тексту диссертации помещены три перечня имущества Русской духовной миссии: перечень имущества в Иерусалиме, переданного в 1949 г., перечни объектов, находящихся в распоряжении миссии в 1955 г. на территории государства Израиль и на

территории Королевства Иордания. Данное приложение могло бы дать основания предположить, что автор сконцентрировал свое исследование на экономической истории Миссии, что вполне позволяет источниковая база, однако это не так. Экономическая история Миссии не привлекла специального внимания автора и не была проанализирована. Юридический статус имущества Миссии и его эволюция на протяжении заявленного периода, также специально в работе не анализировался.

Бросается в глаза, что автор не смог сформулировать научную, равно как и научно-общественную актуальность темы своего исследования. Обширный раздел введения, озаглавленный «Актуальность темы исследования» (с. 6–11), содержит общее описание обстоятельств возникновения и работы миссии, здесь же кратко упоминаются источники исследования. Однако, собственно актуальность избранной темы в контексте развития современной историографии международных отношений, внешней политики СССР рассматриваемого периода в целом и на Ближнем Востоке в частности, места церковной составляющей в этой политике в этом разделе не описана и видимо не осознана автором.

Представляется крайне недостаточной характеристика источниковой базы исследования, а также предшествующей историографии, представленная автором. Описание использованных источников занимает половину страницы (с. 15). Не дана характеристика их типов; соответственно, не проанализирована значимость тех или иных категорий источников для предпринятого исследования, отсутствует попытка их критического сопоставления. Автор не учитывает происхождение источников, за пределами его внимания остается специфика интересов разных ведомств, которые оставили основной массив источников по истории Миссии этого периода. Автор диссертации использует для своего исследования исключительно архив Совета по делам религий (у него нет материалов из конфессиональных архивов), однако он даже не ставит вопрос, каким образом и почему документы о деятельности Православной миссии отложились в архиве советского ведомства, равно как и за пределами его внимания остается вопрос,

какую роль играл Совет по делам религий в управлении Миссией. Раздел «Историография и степень изученности темы» занимает в работе менее двух страниц (с. 17–18). Причем в нем автор снова возвращается к характеристике источников (с. 18, 3 абзац), а также делает попытку уточнить понятийный аппарат исследования (с. 18, 1 абзац). Сама характеристика историографии сводится к перечислению имен авторов, касавшихся в своих работах истории русского церковного присутствия в Святой Земле в рассматриваемый период. При том, что таких имен автор называет более двадцати, он не делает никаких попыток описать их работы, оценить их вклад в рассматриваемую проблематику, проанализировать направления существующей историографии.

Вызывает вопросы данное в работе описание методов исследования (с. 15–17). В частности, диссертант указывает на «метод абстрагирования» как позволяющий «обеспечить непредвзятость и объективность выводов исследования» (с. 15). Между тем «абстрагирование», как правило, рассматривается как базовая составляющая мыслительной, умственной деятельности человека вообще, а не как специфический научный метод. Тогда как «непредвзятость и объективность выводов исследования» обеспечивает его базирование на принципе объективности, предполагающем опору на исторические источники, анализ их максимально широкого круга, их критическое сопоставление, системность, доказательность, произвольность суждений, обоснованность и последовательность выводов. Однако, как было отмечено, критического сопоставления источников мы как раз не находим в представленной работе.

Кроме того, в описании методов исследования наблюдается определенная тавтологичность. Так, автор, по его словам, использовал теологический метод, который позволяет «изучить объект и предмет исследования, учитывая конфессиональную специфику служения Русской Православной Церкви в исследуемый период, ее отношение к РДМ в Иерусалиме...» (с. 16). Далее он дополняет: «Данный теологический метод дополнялся общенаучными методами и

заклучался в рассмотрении деятельности РДМ в Иерусалиме с позиций конфессиональных интересов, интересов самой РДМ в Иерусалиме, отдельных ее членов и насельников как кадров религиозной организации» (с. 16). Однако, по сути, в этих двух приведенных цитатах речь идет не о разных методах, а об одном научном инструменте. Между тем из текста диссертации остается непонятным содержание понятия «теологический метод».

Кроме того, использование метода, который учитывает конфессиональную специфику, не должно препятствовать исследователю придерживаться принципа научной объективности, который состоит в непредвзятом отношении к объекту его исследования. Однако соискатель не следует этому принципу. В качестве примера этого хотелось бы обратить внимание на постоянное употребление в работе по отношению к представителям в Святой Земле Русской Православной Церкви за границей слова «раскольники», написанного без кавычек. В документах изучаемого периода этот термин, действительно, присутствует постоянно. Однако в тексте диссертации он употребляется не только в цитатах, но преимущественно от лица автора (ср. с. 59, 97, 110–112, 149, 175, 199, 217, 234, 239, 244, 255, 271, 280, 281, 290, 316, 322). Между тем даже в конфессиональных исследованиях сегодня, как правило, говорят не о «расколе», а о «разделении» или об «оппозиционных движениях».

Значительная часть текста диссертации состоит из цитат из документов, прежде всего, отчетов начальников Русской духовной миссии. По сути, диссертация представляет собой пересказ содержания обнаруженных архивных источников в хронологическом порядке. Критика источников не проводится, их ценность – новизна, репрезентативность с точки зрения научного исследования не обсуждается. Изложение содержания источников, безусловно, ценно само по себе, однако научное исследование предполагает авторский анализ выявленных документов. По нашему мнению, это является главным недостатком представленной работы, который не позволяет рассматривать ее как полноценное самостоятельное научное исследование.

Так, в диссертации не уделено должного внимания реконструкции исторического контекста деятельности Русской духовной миссии. Не описан как контекст международных отношений, в том числе, контекст Холодной войны, так и контекст межконфессиональных и межправославных связей. Хотя используемые документы дают возможность для такой реконструкции. При этом выявление влияния «политического и внешнеполитического фактора на деятельность РДМ в Иерусалиме» было одной из задач диссертанта (с. 11–12). Излишне говорить, что миссии приходилось действовать в сложных условиях, обусловленных напряженностью как мировой, так и местной политической обстановки. Речь идет, с одной стороны, о возникновении по окончании Второй мировой войны биполярного мира, а с другой, о создании на территории Палестины двух конфликтующих между собой государств — Израиля и Иордании. Кроме того, в изучаемый период имел место острый конфликт между московским церковным представительством с одной стороны и русскими эмигрантскими церковными структурами, с другой. Автор игнорирует и позицию советского руководства и его концепции отношений с Ближним Востоком. За пределами внимания автора остается важная роль Министерства иностранных дел СССР и его представителей в Израиле и Иордании, а также Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР, который осуществлял посредничество между советскими инстанциями и религиозными организациями. Каким образом распределялись полномочия между этими двумя органами — МИД и СД РПЦ — в управлении Миссией в изучаемый период, в диссертации не рассматривается. Между тем, именно позиция МИД по религиозной политике СССР на Ближнем Востоке играла решающую роль для выпуска представителей РПЦ для восстановления своих структур в стратегически важных для СССР регионах.

При этом документы, приводимые в диссертации, свидетельствуют о том, сколь жесткими были условия работы сотрудников миссии. Об этом, в частности, свидетельствует отмечаемая диссертантом частая смена руководства миссии и ее состава (ср. с. 363–365), что подтверждает наш тезис о необоснованности

структурирования работы по персоналиям руководителей миссии. Экстремальные условия работы миссии Московского Патриархата в послевоенный период обуславливались также сложными отношениями с местными властями и с специфическими задачами, возлагаемыми на миссию со стороны советского руководства. Один из начальников Русской духовной миссии архимандрит Никодим (Ротов) отмечал, что любые изменения в советско-израильских государственных отношениях немедленно сказывались на судьбе миссии (ср. с. 165, 209–210). Итак, автор не смог включить историю Миссии изучаемого им периода в контекст отношений советского государства с РПЦ в период после Второй мировой войны, равно как включить историю миссии в контекст ближневосточных интересов СССР, не смотря на то, что привлеченные ими источники предполагают именно такую перспективу исследования.

При чтении диссертации остаются вопросы, в какой степени ее автору удалось решить и поставленные перед собой исследовательские задачи. Например, диссертант поставил перед собой задачу «изучить *специфику* отношений РДМ в Иерусалиме с инославными и Древними восточными церквами, действовавшими в Святой Земле» (с. 11). В тексте он действительно отмечает взаимодействие членов миссии с представителями других христианских конфессий в Израиле и Иордании (ср. с. 376). Однако он не рассматривает данное взаимодействие в контексте «экуменической деятельности» Русской Православной Церкви в изучаемый период. Тогда как эта деятельность была важнейшей составляющей международной активности Церкви в 1950–1980-е гг. Отсутствие анализа контактов Русской миссии с представителями других христианских конфессий в «экуменическом» контексте не позволяет диссертанту выявить именно *специфику* этого взаимодействия, увидеть его отличия от «европейского направления» экуменической деятельности Московской Патриархии.

Также в задачу диссертанта входило проследить «отношения членов, сотрудников и насельников Миссии <...> с русскоязычным населением

Иерусалима, Израиля и Иордании», «исследовать положение русскоязычного населения в Израиле и Иордании», «выявить тенденции и перспективы дальнейшего развития русского церковного присутствия в Святой Земле» (с. 12). Однако мы не находим в работе описания результатов решения этих исследовательских задач (ср. с. 374–377).

В связи с этим приходится констатировать, что диссертация Е.В. Паламаренко не соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям.

Отзыв составлен в Центре истории религии и Церкви
Отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН
к.и.н. А.Л. Бегловым, к.и.н. Н.А. Беляковой, магист. ист. А.В. Вишиванюк, д.и.н.
Е.С. Токаревой, к.и.н. И.А. Фадеевым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела Новой и Новейшей истории
Института всеобщей истории РАН протокол №3 от 29 апреля 2020 г.

Руководитель Отдела Новой и Новейшей истории
ФГБУН «Институт
всеобщей истории Российской академии наук»,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник

Мирзеханов В.С.

Данные об организации:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт всеобщей истории
Российской академии наук»;
119334, Москва, Ленинский проспект, 32 а;
Телефон +7 (495) 938-13-44;
e-mail: dir@igh.ru

